

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Лян Вэйци на тему: «Поэтика драматургии М. А. Булгакова 1920-х годов (“Дни Турбиных”, “Зойкина квартира”, “Бег”) и оппозиция “свое — чужое”», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Тема кандидатской диссертации Лян Вэйци — «Поэтика драматургии М. А. Булгакова 1920-х годов (“Дни Турбиных”, “Зойкина квартира”, “Бег”) и оппозиция “свое — чужое”» — представляется интересной и актуальной. Несмотря на большое количество опубликованных работ о творчестве Булгакова, в области булгаковедения остается много неясностей и лакун. В частности, в отечественном литературоведении неполно исследована проблема того, что для такого «пограничного» и «переходного» во многих отношениях писателя, как Булгаков, относилось к категориям «свое» и «чужое». Этот вопрос исследован в диссертации на материале наиболее известных булгаковских пьес.

Во *Введении* представлен обзор основных работ о драматургии Булгакова. Несмотря на краткость, этот обзор достаточно полон и репрезентативен. Автор подчеркивает, что вопрос о «своем» / «чужом» носит дискуссионный характер (с. 7–8) и дает характеристику этой оппозиции в общесемиотическом и специфически-драматургическом ключе. Цель и задачи работы сформулированы четко, ясно и полно.

В *первой главе* анализируется противопоставление дома и мира, представленное в синхроническом и диахроническом аспектах в пьесах «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег», и доказывается, что на этой оппозиции основан драматический конфликт и соотношение сценического и внесценического пространств. В первых двух пьесах наблюдается явная однородность в реализации данной оппозиции, а «Бег» представляет собой то, что диссертантка характеризует как «минус-прием»: «Место действия всех эпизодов пьесы “Бег” лишено порядка, уюта, оно конфликтно...» и т.д. (с. 38). Анализ образа дома у Булгакова, предлагаемый Лян Вэйци, отличается скрупулезностью, тщательностью, внимательным прочтением текстов. То же можно сказать об анализе образа города. Диссертантка убедительно показывает его двойственность, доказывает, что ключевая оппозиция задает отношения между героями. Особый интерес представляет тезисы о «воображаемом городе» как «своем пространстве», и об «идеальном городе» как подобии «дома», об «общей атмосфере гротескной инфернальности» в изображении реального городского пространства. Общий вывод о корреляции оппозиций «дом» — «мир» и «свое» — «чужое» (с. 61) и о городе,

понимаемом «как свое пространство для множества людей и как подобие града небесного», который превращается в «место чуждое» (с. 62–63) можно считать доказанным.

Во *второй главе* автор обращается к системе персонажей булгаковских пьес. Весьма интересным «новым словом» в булгаковедении можно считать выделение особой группы эгоистичных героев-хамелеонов, которые не вписываются в оппозицию «свои» — «чужие» (Тальберг, Аметистов, Корзухин и др.). Далее анализируются опознавательные знаки, по которым герои различают своих и чужих (внешность, одежда, документы, оружие, детали интерьера, особенности речи и др.), выделяются противоборствующие группы героев: политические единомышленники и враги; общественные верхи и низы; военные и штатские; культурные/образованные и некультурные/необразованные; русские и нерусские; родственники и не родственники и мн. др. Таким образом, анализ булгаковских персонажей под углом зрения выбранной оппозиции ‘свое/чужое’ оказывается почти всеобъемлющим.

В *третьей главе* основная оппозиция рассматривается как сюжетопорождающая и связывается с мотивной структурой пьес. Мотивика — наиболее исследованная область булгаковедения, однако диссертантка рассматривает наименее изученные мотивы драматургии 1920-х годов. В отдельный раздел выделено исследование противопоставления Парижа и Константинополя. Очень интересна экспликация мотива пения хором, смысл которого зависит именно от оппозиции ‘свое/чужое’. Безусловно, чрезвычайно важен для понимания Булгакова комплекс кулинарных мотивов, подробно исследованный Лян Вэйци. Подробно описан вещный мир пьес, представляющий собой систему меняющихся статических мотивов. Наряду с ними подробно изучаются мотивы динамические, связанные с узнаванием персонажами друг друга, их борьбой, словесными поединками. Все это позволяет исследовательнице обратиться к динамике пьесы и показать, как перераспределяются персонажи по ходу действия, как переходят из одной группы участников конфликта в другую, отчуждения и распада семьи и мн. др.

Хотя диссертация посвящена имманентному анализу булгаковской драматургии, в отдельных местах автор задействует ближайший контекст (ср. фрагмент о Тренине и Лавренине на с. 186; полемику с мнением о «чеховском» характере булгаковской драматургии на с. 197–198 и др.). Такие сравнения оказываются чрезвычайно плодотворны для понимания специфики Булгакова, жаль, что их в диссертации не так много.

В «Заключении» подводятся итоги работы и суммируются сделанные наблюдения. С представленными здесь выводами следует согласиться.

В результате проведенного исследования диссертантка приходит к нетривиальным выводам о том, что тема отчуждения является интегральной для булгаковской драматургии, что проявляется во множестве вариантов — от гендерных маркеров до глобального противопоставления «родина» / «чужбина». Несомненна мысль о том, что писатель «создает образы, которые продолжают ценить традиционные или даже увядшие ценности прошлого, упорно сопротивляясь времени или беспомощно угасая».

Диссертация написана прекрасным, богатым русским языком.

В целом работа Лян Вэйци представляется самостоятельной, основательной и добросовестной. Вместе с тем можно высказать ряд мелких замечаний.

Не совсем понятно примечание 139 на стр. 49. В тексте говорится о том, что «Караванная улица считалась одной из самых богатых и комфортабельных петербургских улиц», что общеизвестно, а в качестве «подтверждения» дается цитата из записных книжек Блока «Майская петербургская стриндберговщина: особое шипение улиц (самых омерзительных — Невского, Караванной)». Во первых, здесь ошибка (в оригинале на указанной странице — не «шипение», а «кишение»), а во-вторых в этом фрагменте ничего не говорится о богатстве улицы, а только о ее многолюдности. Поэт, по словам исследователя, называл «стриндберговщиной» произведения шведского писателя, посвященные «теме обреченности, “омертвелости” старого мира, процессу тяжелому, мистическому, ужасному...» (*Шарыпкин Д. М. Стриндберг в России // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 2. С. 311*).

Вряд ли стоит называть Тальберга, Корзухина, Тихого «агелластами» (с. 76). Хотя этимология предлагаемого диссертанткой термина ясна («несмеющийся»), слово «агеласт» (с одним «л») уже «зарезервировано» за другим значением — «член товарищества юношей у дорян», см. статью «Агела» в энциклопедии Брокгауза — Ефрона.

Утверждение, что «молодые большевики, ровесники Шервинского чаще брились или носили маленькие бородку, усы, но никак не бакенбарды» (с. 90), слишком радикально: бакенбарды носил Карл Радек.

К числу чеховских аллюзий в «Беге» можно добавить, что эпизод, когда архиепископа принимают за социалиста из-за его длинных волос (с. 90), должен был напомнить современникам Булгакова чеховский рассказ «В бане», где дьячка по той же причине принимают за нигилиста.

Гусь назван в диссертации нэпманом, «нажившим свое нынешнее состояние уже после революции» (с. 100, ср. также с. 125), хотя в пьесе он сам называет себя «коммерческим директором <треста> тугоплавких металлов». Поскольку такие

стратегически важные предприятия не отдавались большевиками в частные руки во время нэпа, можно предположить, что перед нами скорее крупный советский чиновник, чем нэпман.

Однако все эти замечания носят непринципиальный характер и не должны повлиять на общую оценку данной работы.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Лян Вэйци на тему: «Поэтика драматургии М. А. Булгакова 1920-х годов (“Дни Турбиных”, “Зойкина квартира”, “Бег”) и оппозиция “свое — чужое”» соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Председатель диссертационного совета

доктор филологических наук,

профессор,

профессор кафедры истории

русской литературы филологического факультета СПбГУ

Степанов А. Д.

28.01.2022